

Валерий Екимов

**Курсантские байки
ВОСЬМИДЕСЯТЫХ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Е45

Е45 **Екимов В.**
Курсантские байки восьмидесятых / Валерий Екимов – М.: Lennex Corp, —
Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2021. – 92 с.

ISBN 978-5-00143-378-1

«С того дня прошло уже (почти по А. С. Пушкину) тридцать лет и три года, можно даже добавить — три месяца и три дня». На страницах этого сборника рассказов Валерий Екимов, следуя доброй традиции, которая сложилась в его творчестве, открывает портал во времени. Он переносит читателя в Ленинград семидесятых годов XX века и проводит в стены Военно-морского училища, где ежедневно происходят большие и маленькие события, которые складываются в сюжет молодецкой жизни курсантов. Точно переданный колорит города на Неве и атмосфера целой эпохи создают иллюзию полного погружения. Рассуждения на социальные, философские, психологические темы вкупе с забавными приключениями и морально-этическими дилеммами наталкивают читателя на серьезные мысли о прошлом, настоящем и будущем. Неужели «никогда, увы, уже не будет этого счастья: счастья встреч, знакомств, преодоления и победы. Все ваши желания давно поглотил бездушный гадкий гаджет»? Прочитав истории из жизни питерских курсантов советской эпохи, удастся найти ответ на вопрос о том, кем мы были и кем стали.

ISBN 978-5-00143-378-1

© Lennex Corp, 2021
© В. Екимов, 2021

От рукописи до книги

Валерий Екимов

КУРСАНТСКИЕ БАЙКИ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

Рассказы

Новокузнецк
«Союз писателей»
2020

УДК 82-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е45

Екимов, Валерий Петрович.

Е45 Курсантские байки восьмидесятых: Рассказы / В. П. Екимов. — Новокузнецк: Союз писателей, 2020. — 92 с. — (От рукописи до книги).
ISBN 978-5-00143-378-1

«С того дня прошло уже (почти по А. С. Пушкину) тридцать лет и три года, можно даже добавить — три месяца и три дня». На страницах этого сборника рассказов Валерий Екимов, следуя доброй традиции, которая сложилась в его творчестве, открывает портал во времени. Он переносит читателя в Ленинград семидесятых годов XX века и проводит в стены Военно-морского училища, где ежедневно происходят большие и маленькие события, которые складываются в сюжет молодецкой жизни курсантов. Точно переданный колорит города на Неве и атмосфера целой эпохи создают иллюзию полного погружения. Рассуждения на социальные, философские, психологические темы вкупе с забавными приключениями и морально-этическими дилеммами наталкивают читателя на серьезные мысли о прошлом, настоящем и будущем. Неужели «никогда, увы, уже не будет этого счастья: счастья встреч, знакомств, преодоления и победы. Все ваши желания давно поглотил бездушный гадкий гаджет»? Прочитав истории из жизни питерских курсантов советской эпохи, удастся найти ответ на вопрос о том, кем мы были и кем стали.

УДК 82-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00143-378-1

© Екимов В. П., текст, 2020
© Издательство «Союз писателей»,
оформление, 2020
© ИП Суховейко Д. А., 2020

*Веришь? — «во весь голос» — Не хочу!
Кто я, чтобы быть Мессией?
Лишь о том сегодня не молчу,
что горжусь своей Россией,
за ее простую... простоту,
а еще — нерасторопность
и смешную отрешенность
от ухода мира в пустоту!*

Привет, Питония!

Начало восьмидесятых.

Апрель.

Город-герой Ленинград, здание Нахимовского училища, третий этаж, второе окно слева, прямо напротив «Авроры».

Восемь утра. Малая утренняя «приборка».

В училище за каждым нахимовцем, как, впрочем, за любым военнослужащим во всех родах войск, закреплен конкретный участок «приборки», который следует убирать два раза в день: утром до занятий и вечером после них. Это окно на третьем этаже тридцать первого класса, или по-другому — первого взвода третьей роты, — объект моей «приборки». Не удивляйся, это лишь кажется, что там нечего делать, когда ты убираешь один и тот же подоконник изо дня в день утром и вечером, да еще полтора часа в субботу во время большой «приборки». Во-первых, окно огромное, около трех метров в высоту и двух в ширину...

Не веришь? Съезди к «Авроре» и посмотри на это голубое замечательное здание с минами да старинными пушками у входов со стороны Петроградской и Петровской набережных. Как сейчас помню, что мы пели про него тогда:

*В Петроградской стороне
у моста Свободы
стоит домик голубой
с пушками у входа.*

...А во-вторых, стеклянное полотно окна поделено деревянными рамами ровно на тридцать прямоугольников, так что общая длина старой покрашенной деревяшки с учетом двух рам на окне достигает пятидесяти погонных метров, да еще и двенадцать квадратных метров старого стеклянного

полотна, выходящего, кстати, на проезжую часть. И таких окон в классе ровно четыре. Малейшая грязинка или пылин-ка на них сразу видна, как вон та черная ворона на льдине, именно сейчас проплывающей по Неве за моим окном. Поэтому плевым, казалось бы, участок «приборки», на самом деле совсем даже немалый и непростой.

Но это окно — мое любимое в классе. Да что там, в клас-се, во всем училище! Оно смотрит прямо на трап «Авроры», у которого круглосуточно стоит вооруженный матрос-часо-вой. Каждое утро ровно в восемь возле окна я вместе с ко-мандой корабля участвую в подъеме флага. К слову сказать, этот подъем проходит по всем правилам этикета Русского флота: с отбитием склянок и звуками живой корабельной дудки, трубы. Экипаж крейсера первого ранга при всем па-раде выстраивается на верхней палубе. Два сигнальщика разбегаются в разные стороны к флагштокам на бак и на ют для поднятия гюйса и флага соответственно. Трубач, как со-ловей выдавая волшебные трели, вначале играет тревожный «Большой сбор», затем торжественный «Подъем флага», а по его окончанию, задорно, по-хулигански перепрыгнув с мягкой ноты си-бемоль на дерзкую соль-диез, подает весе-лый сигнал «Вольно!». Под эти фантастические звуки мор-ской трубы и звон склянок, встав по стойке смирно у моего окна, наблюдаю, как флаг и гюйс плавно, ни на секунду не останавливаясь, медленно-медленно, почти вечность ползут по короткому трехметровому фалу флагштока вверх. Точнее, вбок — сигнальщики до максимума растягивают их в сторо-ны, чтобы хоть как-то увеличить путь огромных полотен...

Тогда, в восьмидесятые, на подъем флага к самому из-вестному до сих пор крейсеру страны, будто на смену кара-ула у мавзолея в Москве, съезжались сотни горожан и, ви-димо, туристов, — полюбоваться отточенными движениями моряков. Увы, теперь мою «Аврору» вывели из состава Во-

енно-морского флота. У трапа нет больше ее матроса. Флаг и гюйс, похоже, висят круглосуточно, ну, что ли, ритуально, как на кладбище. Крейсер без Вэ-Мэ-эФ (так правильно говорить, петь) — красиво убранная могила или музей, как, впрочем, его и обзывают нынче.

...Бесконечно люблю эти утренние минуты в классе. В такое время здесь никого нет, и это немало для пятнадцатилетнего юноши при круглосуточном проживании в большом коллективе. Весь наш взвод разбежался по своим местам уборки, а их в училище не счесть. У окна только я и моя «Аврора», с которой у нас ежедневное утреннее свидание, после чего всегда повышается настроение...

И до сих пор повышается, когда теперь по утрам спешу мимо нее.

...В Питере сразу после весеннего солнцестояния входят в свои права волшебные белые ночи: в 07:15 на зарядке — уже... не темно, а в 21:40 на вечерней прогулке — еще не темно. Подъем и спуск флага на фоне ленинградских сумерек особенно впечатляющий, неподражаемый. И вот сегодня так совсем как-то по-особому хорошо: весеннее солнце радостно сияет со стороны выглядывающих над Литейным мостом куполов Смольного собора, бросая яркие косые лучи на толстые, отполированные до блеска трубы крейсера. По ярко-синей глади Невы со скоростью быстро идущего человека несутся огромные белые ладожские льдины. На одной из них в стае вечно снующих над рекой чаек действительно сидит огромная черная ворона. Похоже, она жмурится, отворачиваясь от серебрящейся на солнце воды и отраженных бликов зеркального крейсера, неожиданно раскрывает клюв и недовольно лает в нашу с «Авророй» сторону. Это очень смешно, весело! Мне вдруг непреодолимо хочется послать привет... ей, вороне, крейсеру и моему чудесному городу

за окном, ласково во все глаза глядящему на меня сквозь волшебное окно моего теплого, но все-таки уже потихоньку улетающего детства.

Распахнув реальное окно, встаю на широкий белоснежный подоконник во весь рост и, глядя сквозь трубы «Авроры» куда-то вдаль, в сторону гостиницы «ЛЕНИНГРАД» на противоположной стороне истока Большой Невки, где в разломе Невы и застыл мой крейсер, медленно, с чувством, расстановкой начинаю семафорить первое, что приходит в голову:

Правая рука — вертикально вверх, левая — горизонтально: «П».

Левая рука — вертикально вверх, правая — горизонтально: «Р».

Правая рука — вертикально вверх, левая — вертикально вниз: «И».

Правая рука — горизонтально, левая — вертикально вниз: «В».

Правая рука — под углом 45 градусов вверх, левая — вертикально вниз: «Е».

Правая и левая руки подняты горизонтально: «Т».

Энергичное одновременное движение рук сверху вниз: «знак окончания слова».

Правая и левая руки приподняты на 45 градусов внизу: «А».

Правая рука — горизонтально, левая — вертикально вниз: «В».

Левая рука — вертикально вверх, правая — горизонтально: «Р».

Левая рука приподнята на 45 градусов вниз, правая — вертикально вниз: «О».

Левая рука — вертикально вверх, правая — горизонтально: «Р».

Правая и левая руки приподняты на 45 градусов внизу: «А».

Энергичное одновременное движение рук сверху вниз: «знак окончания семафора».

Мне удивительно хорошо и приятно стоять на подоконнике в одной робе, рабочем платье (удобной, типа широкого кимоно, повседневной хлопчатобумажной одежде моряков). Как раз накануне мы с Сережкой Рябинским всё вечернее само — самоподготовку — готовились к зачету по флажному семафору, попеременно читая и передавая друг другу всевозможные знаки, предложения, анекдоты. И вот теперь эти два слова просемафорились у меня четко, быстро, без запинки. Они вылетели сразу, сами, без раздумий, не кочевряжась, кто знает, может быть, из самой души, предназначенные всем-всем-всем, и понеслись, понеслись вдаль вместе с веселой вороной на льдине. Свежий и еще довольно-таки холодный ветер шевелит на мне коротко, под полубокс остриженные волосы и хлопает огромным матросским гюйсом по мальчишеским плечам...

Говорят (не уверен), что теперь эту форму хотят изменить на какие-то там песочного цвета пиджачки и штанишки. Жаль, бесконечно жаль, коль это правда.

...Льдины, отражая солнечный свет, ярко серебрятся на фоне чистой темно-синей воды реки. Глаза слепит великолепие весеннего города. Любуюсь!.. Мой город, без какой-то там помпы скажу, прекрасен, причем в любое время года.

И тут вдруг прямо на капитанском мостике «Авроры» вижу ее командира, усиленно машущего мне двумя руками крест-накрест над головой — обычный знак сигнальщиков всех флотов мира, означающий: «Примите семафор».

Это очень удивительно, необычно, пугающе, но инстинктивно, даже не успев опомниться, даю отмашку крест-накрест руками внизу у ног, что значит: «Понял, готов к приему семафора».

Опытный капитан первого ранга пишет медленно, уверенно, не торопясь, фиксируя каждую букву и знак, понимая мою неопытность в этом деле:

Правая рука — вертикально вверх, левая — горизонтально: «П».

Левая рука — вертикально вверх, правая — горизонтально: «Р».

Правая рука — вертикально вверх, левая — вертикально вниз: «И».

Правая рука — горизонтально, левая — вертикально вниз: «В».

Правая рука — под углом 45 градусов вверх, левая — вертикально вниз: «Е».

Правая и левая руки подняты горизонтально: «Т».

Энергичное одновременное движение рук сверху вниз: «знак окончания слова».

Правая рука — вертикально вверх, левая — горизонтально: «П».

Правая рука — вертикально вверх, левая — вертикально вниз: «И».

Правая и левая руки подняты горизонтально: «Т».

Левая рука приподнята на 45 градусов вниз, правая — вертикально вниз: «О».

Правая рука приподнята на 45 градусов вниз, левая — вертикально вниз: «Н».

Правая рука — вертикально вверх, левая — вертикально вниз: «И».

Левая рука — вертикально вверх, правая — согнута в локте и прижата к животу, образуя перпендикулярную линию с левой рукой: «Я».

Энергичное одновременное движение рук сверху вниз: «знак окончания слова, семафора».

Радуюсь прочитанному, а главное, тому, что сумел разоб-
брать сигналы командира крейсера, и весело даю отмашку
крест-накрест вниз: «Понял».

Командир улыбается — мне это отчетливо видно, мое
зрение не то, что теперь, — и, напоследок по-приятельски
махнув рукой, скрывается в ходовой рубке...

Ныне часто прохожу или проезжаю, иногда с женой и
внуками, мимо этого старинного, построенного архитек-
тором А. И. Дмитриевым в 1910—1912 годах в стиле ре-
троспективизма здания, в котором с 1944-го разместилось
Нахимовское училище. С того дня прошло уже (почти по
А. С. Пушкину) тридцать лет и три года, можно даже до-
бавить — три месяца и три дня. Сейчас у меня самого, как
у того командира крейсера, три большие звезды на плечах.
Теперь я с внешней стороны «Питонии», однако мои глаза
по-прежнему сами каждый раз, когда бываю здесь, отыски-
вают и отыскивают то мое окно. Иногда вижу там силуэт
очередного ее воспитанника, которые издавна, возможно, с
основания училища называют себя «питонами» (воспитан-
ник, питомец, питон — так, кажется, нам говорили наши
предшественники, а им — их), и всякий раз вспоминаю то
чувство случайного весеннего восторга. Невольно перебе-
гаю глазами с окна на ходовую рубку великого крейсера,
участника настоящих славных, но забытых, увы, ныне бое-
вых сражений бок о бок с легендарным «Варягом».

Как жаль, бесконечно жаль, что мой крейсер вывели из
состава ВМФ. Нахимовцев до сих пор зовут внуками «Ав-
роры», а ее обозвали странным словом «музей». Конечно,
ее историческое прошлое ныне несколько утратило свое
значение. Но уверен, что как бы ни были круты повороты
истории государства (взгляни-ка на пример Германии), оно
только тогда может называться великим, когда у него есть
великая память своего прошлого и вместе с ней — высо-
кая осознанность, преемственность этой истории, какой